

УДК 069(470–25)''18'':929

Анастасия Гачева,

ведущий науч. сотр. ИМЛИ им. А. М. Горького РАН,
д-р филол. наук

«СЛУЖИТЕЛЬ ДУХА ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ»: Н. ФЕДОРОВ И РУМЯНЦЕВСКИЙ МУЗЕЙ

Статья посвящена выдающемуся мыслителю, знаменитому деятелю Московского публичного и Румянцевского музеев Николаю Федоровичу Федорову (1829–1903). Раскрываются представления Н. Федорова о воскресительной сущности памяти и религиозном деле культуры, его взгляды на роль музеев, библиотек, архивохранилищ, инициативы в области реформы библиотечного дела.

Ключевые слова: Н. Федоров, Румянцевский музей, философия памяти и культуры, музей-библиотека.

«Служителем духа вечной памяти», «пророком и литургистом культуры»¹ назвал философ В. Ильин Н. Федорова (1829–1903), мыслителя, библиотекаря, «музейского деятеля»², с именем которого на протяжении четверти века была связана деятельность Московского публичного и Румянцевского музеев.

Н. Федоров поступил в библиотеку музеев на должность дежурного чиновника при читальном зале 27 ноября 1874 г. Рекомендовал его на работу А. Викторов, археограф, архивист, хранитель отделения рукописей и славянских старопечатных книг³. Однако Н. Федоров быстро перерос скромную должность и, числясь на ней все 25 лет своей работы в музеях (от повышения, которое неоднократно предлагала администрация, он всегда твердо отказывался), фактически исполнял функции и библиотекаря, и библиографа, и научного консультанта. В 1880–1890 гг. он был, пожалуй, самым авторитетным сотрудником как для читателей библиотеки, так и для своих сослуживцев. Тому способствовали и обширные библиографические познания Н. Федорова (целый ряд деятелей русской культуры с благодарностью пользовались его помощью), и его проекты реформы библиотечного дела, поддержанные как коллегами, так и лицами, близко стоявшими к библиотеке, и созданная мыслителем целостная философия библиотечного и музейного дела.

«Интеллектуальная и духовная власть»⁴ Н. Федорова была столь высока, что художник Л. Пастернак, посещавший Библиотеку Румянцевского музея в 1892–1893 гг. с целью сбора материала для иллюстраций к роману Л. Толстого «Война и мир», в своих воспоминаниях назвал его заведующим библиотекой⁵. При этом Н. Федоров не только сумел воодушевить своих сослуживцев (А. Викторова, Д. Лебедева, Г. Георгиевского, Я. Кваскова) большими и малыми библиотечными проектами (международный книгообмен; выпуск при вновь выходящих книгах каталожных карточек, содержащих полное их описание; устройство при библиотеках специального выставочного отдела; использование в читальных залах книг из частных коллекций и др.), каждый из которых имел своим истоком его философию памяти, но и заложил в библиотеке «традиции философской школы»⁶. В каталожную библиотеки собирались для бесед с мыслителем писатели и поэты (Л. Толстой, А. Фет), ученые и философы (Ф. Буслаяв, М. Никольский, В. Шенрок, Г. Джаншиев, В. Соловьев), художники и историки (В. Верещагин, Л. Пастернак, С. Белокуров, Н. Черногулов и др.). Многие оказались в той или иной мере затронуты его учением всеобщего дела, восстановления всемирного родства, идеями активного христианства, требующего от человека не только нравственной, духовно-душевной работы, но и соучастия в воплощении высшего христианского чаяния: воскрешения умерших, преображения земли и универсума в Царстве Божие.

Уже современники Н. Федорова, видя его «высокую, высохшую, слегка согбенную, но полную энергии фигуру»⁷, наблюдая, с каким одушевлением трудится он в читальном зале, в хранилище, в каталожной, как не позволяет себе, несмотря на возраст, даже присесть, как точно и вместе с тем вдумчиво отзывается на запросы читателей и незаметно руководит их научными поисками, слыша его слова о книге, за которой «кроется человек»⁸, размышления о Румянцевском музее как «органе памяти Москвы» (Ш, 64), понимали: его деятельность в библиотеке была не просто трудом ради «хлеба насущного» (этим хлебом мыслитель пользовался минимально и практически все скудное жалованье раздавал нуждающимся), но «служением»⁹ в священном смысле этого слова.

Служение Н. Федорова в Румянцевском музее было служением памяти. В «Философии общего дела», которая создавалась мыслителем на протяжении полувека, категория памяти является стержневой. Осознанная память, не память инстинктивная, как у животных, а память как волевой акт есть то, что свойственно среди природных существ именно человеку, что вместе с даром сознания и даром творчества ставит его на верховную

ступень лествицы тварного мира. Природа стремится свои создания вперед и только вперед, человек постоянно обращается вспять, стремится остановить мгновенье, вырвать из меонического плена забвенья драгоценные события жизни, дорогих сердцу людей. По Н. Федорову, человечество с его культурой, искусством, религией и рождается тогда, когда начинает помнить умерших: по физической необходимости укладывая умершего в землю, по нравственной – восстанавливает его в виде памятника, населяет небо душами умерших отцов, возносит голос в скорбном плаче и молитве.

Человеческая культура в своих сокровенных истоках и есть воплощенная память. В этом состоит ее утверждение и оправдание. Культура сопротивляется смерти. Будучи укоренена в культе предков, она воскресительна, и хотя совершенные создания художественного гения лишь условно бессмертны, а восстановление ушедших лиц и эпох совершается в идеальном пространстве скульптуры, живописи, словесного творчества, это «мнимое» бессмертие и воскрешение для мыслителя есть первая ступень к будущему реальному восстановлению жизни.

Позднее о. Павел Флоренский в «Автореферате», написанном для «Энциклопедического словаря Русского библиографического института “Гранат”», переключаясь с идеями Н. Федорова, определит культуру как силу, противостоящую энтропии, «закону Хаоса во всех областях мироздания»¹⁰, как действие Логоса, Божественного Слова, сотворившего мир в начале времен, искупившего человеческий грех спасительным подвигом и влекущего бытие к полноте и совершенству. Энтиэнтропийную сущность культуры будут подчеркивать и другие мыслители, как представители научного знания (Н. Умов, В. Вернадский), так и христианские философы (В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков, Н. Сетницкий, А. Горский, В. Муравьев). И если первые увидят в творчестве культуры эволюционный долг человека как существа, ответственного за природу, вынесшую его к бытию, то вторые – долг религиозный, к исполнению которого он был призван еще при сотворении, когда Господь дал ему заповедь обладания землей, возделывания и хранения Божьего сада. Н. Федоров, обращавшийся со своей проповедью «к духовным и светским», соединил обе эти трактовки. Более того, прочертил вектор движения от культуры к «рекреатуре» (II, 166), от «мнимого художественного восстановления» к «действительному воскрешению» (II, 230).

Особое значение Н. Федоров придавал тем институтам культуры, которые являются собирателями опредмеченной памяти прошлого. Это музеи, библиотеки, архивохранилища... В них – начаток живой

связи времен, преемственности поколений, глубинного единства рода людского. Не собранием вещей: экспонатов, книг, рукописей, но «собором лиц», эти вещи создавших или соприкасавшихся с ними в процессе жизни, служат они. И потому с таким благоговейным вниманием, почти трепетом, относился Н. Федоров к книжным собраниям Румянцевской библиотеки. Для философа памяти она была не «книгохранилищем», а «душехранилищем» (II, 433). Сам процесс чтения представлялся своего рода воскресительным актом, изводящим из тьмы забвенья лицо автора книги: «Читающий невольно рисует в своем воображении портрет его, слышит его голос, входит в его чувства и мысли» (II, 433). И не только книга обретала у Н. Федорова священный, жизнехранительный смысл, но и каталожная карточка, к этой книге приложенная. В ней видел мыслитель своего рода семья, заключающее в себе образ всего сочинения, а значит, и стоящего за ним автора. Он сравнивал карточки с «металлическими досками», содержащими имя архитектора, «которые полагаются в основание зданий» (III, 228), и надеялся на то, что они «имеют больше шансов, чем книги, пережить разрушительную эпоху»: и если погибнут книги, карточки сохранятся и не позволят умершим авторам окончательно уйти в тень и сень смертную.

В. Ильин, посвятивший федоровской философии книжности и библиотеки целую главу в своей книге о философе всеобщего дела, предположил, что под «разрушительной эпохой» Н. Федоров имел в виду не столько исторические и естественные катастрофы, в которых страдают памятники культуры, сколько конечную апокалиптическую катастрофу, когда «земля и все дела на ней сгорят» (2 Петр. 3:10). Ставя знаменитую статью «Что значит карточка, приложенная к книге?» в эсхатологический контекст, В. Ильин указывал, что для Н. Федорова как мыслителя религиозного, сопрягающего в своей философии эмпирический и метафизический планы, «писание и фиксация “карточек” есть вместе с тем писание и фиксация для метафизики нематериальной или сверхматериальной вечной памяти»¹¹. Действительно, категория «вечной памяти», в которой Бог содержит сотворенное Им бытие, одна из главных опор федоровской философии культуры, и священный долг живущих мыслитель видит в том, чтобы устремить навстречу Вечной памяти Божией усилие человеческой памяти. Однако защитник идеи условности апокалиптических пророчеств, в противовес катастрофической развязке истории, он отстаивает другой эсхатологический сценарий, согласно которому земля не сгорает, но обновляется, и в этом обновлении соучаствует человек. Новый Иерусалим не сходит с неба как

deus ex machina, он должен медленно прорасти сквозь историю, которая становится богочеловеческой «работой спасения», созидая условия для его воцарения в бытии. А значит, дело памяти для рода людского заключено не только в фиксации и консервации, но и в преображающем восстановлении прежде бывшего.

Органами этого восстановления и должны стать, в представлении Н. Федорова, музеи, архивы, книгохранилища. Они призваны занять центральное место в будущей проективной истории, которая, в отличие от нынешней взаимоотношительной, неродственной и небратской истории, станет воскресительным делом, восстановлением всемирного родства. В них рождается и расцветает целостная культура будущего, задача которой – не творчество эстетической реальности, а действительное преображение мира в красоте, неотделимой от блага и истины.

Подлинная культура, по Н. Федорову, религиозна, представляет собою плод синергии. Человеческое творчество в ней не самостийно, осуществляется в потоках Божественной благодати, направляется сыновней ответственностью за мир. Именно так созидались величайшие шедевры храмового зодчества, росписи и иконописи, рождались церковная музыка и литургическая поэзия. Исходя из такого понимания культурного делания, Н. Федоров критиковал секулярную культуру Нового времени, которая разорвала источные связи с культом, вышла в эгоистически самостийное бытие, культивируя потребительское и игровое отношение к жизни. Такая культура принципиально закрывает для себя небо, существует лишь в пространстве относительных ценностей и потому неспособна к безграничному развитию, с неизбежностью упирается в свой собственный потолок. Именно к такой культуре – как игре симулякрами, как служанке общества «блудных сынов», верной спутнице эксплуатирующей, но не восстанавливающей цивилизации Ф. Федоров обращает резкие, эпатажные слова: «Целью жизни будет спасение от культуры» (III, 481).

В обществе «блудных сынов», забывших об отцах и Боге отцов, священные органы памяти отодвигаются на задворки прогресса. «Наш век, гордый и самолюбивый» (II, 370) презирает музей и библиотеку как отсталые, ретроградные учреждения. Да и сами они в их наличном виде представляют для Н. Федорова картину жизни, какова она есть, символически отражают то состояние «взаимного истребления», в котором пребывают мир и человек после грехопадения. «Книги – не мирные существа, и они так же чужды, столь же враждебны друг другу, как наше светское и духовное, военное и гражданское, экономическое и бюрократическое» (III, 481).

тическое. А потому и библиотека, как собрание книг, – область не мира, а борьбы, полемики» (II, 380).

Даже строение каталога, рубрики которого «соответствуют <...> разделам самого общества» (II, 380–381), как бы символически воплощает для Н. Федорова разрыв между учеными и неучеными, между мыслью и действием, между различными отраслями знания. Само «слово Божие», творящее и единящее мир, выделяется здесь в «богословие» и «замыкается в особый отдел каталога». «Между тем богословие должно занимать не особое место в каталоге, а в *себе* давать место *всем* книгам, быть распределением их, назначением им места относительно высшей цели; оно должно быть примирением их для этой высшей цели» (II, 381).

Так символически выражает философ мысль о христианстве, призванном одушевить идеалом Царствия Божия все сферы дела и творчества человека. Реформа каталога предызображает изменение самой жизни, «метаноии» рода людского, сознающего грех розни и бытийный ее корень – смертность и слепоту. Как и выдвинутый мыслителем проект «сакрализации деятельности библиотек по типу церковного года», «по принципу ежедневного поминовения», предполагающий, что «каждый день библиотека, работающие в ней обращаются к тому или иному автору и ряду авторов, умерших в этот день»¹², соединяя дело памяти с делом исследования. При таком устройстве библиотека предстает не простым «собранием книг», но «памятником, сооруженным предкам, в котором книги суть души писателей, а бюсты – их тела», чтение же, «точнее исследование», является «выводом из могилы, а выставка – как бы воскресением» (III, 236, 237).

В проектах реформы библиотечного и музейного дела Н. Федоров исходил из апологии нового, активно-христианского пути культуры, прямо противоположного процессу секуляризации, в плену которого она оказалась в эпоху Нового времени. Это путь восцерковления культуры, и его формула у Н. Федорова звучит так: не храмовое должно профанироваться при переходе в светское, а «площадное должно возвыситься до храмового» (III, 100). Выступая за преодоление разрыва между храмовым и внехрамовым, мыслитель стремится органически соединить светские и духовные орудия памяти (музеи и храмы, где на литургии совершается ежедневное поминовение), одушевить воскресительным смыслом традиционные формы мирской культуры. И сам дает в своем творчестве многие примеры возвышения площадного до храмового. Достаточно назвать его идеи о возрождении строительства обыденных храмов, создании школ-храмов и школ-музеев, где научение было бы неразрывно

с нравственно-религиозным воспитанием личности, образование включало в себя исследование, переходящее в практику, в дело.

В контексте идеи христианизации жизни выстраивает Н. Федоров и свою концепцию музея-библиотеки. Оба учреждения для него принципиально едины, более того – должны объединить в своей деятельности все сферы научного знания и искусства, стать центрами духовного просвещения и воспитания, исследования и восстановления. «Всемирный Музей», живой орган памяти, неразрывной с любовью и верой, вбирает в себя и философию, и педагогику, и естествознание, он не как простое «хранилище» их достижений, а средоточие всечеловеческого дела, включающего в себя и регуляцию природы, «внесение в нее воли и разума», и обожение человека, и «возвращение жизни тем, от коих ее получил» (I, 297).

Особое место в религиозной культуре будущего Н. Федоров отводил Румянцевскому музею. Философ называл его «Предкремлевским» и написал о нем много глубокомысленных статей и заметок, которые, хотя и были связаны по большей части с конкретными реалиями и событиями (перенос модели Баженовского Кремля в помещение Московского публичного и Румянцевского музеев; постройка памятников Александру II и Александру III; картина Н. Матвеева, изображающая поклонение прусского императора Кремлю с бельведера Дома Пашкова), раскрывали всю полноту смысла, лишь будучи поставлены в контекст его философии памяти и культуры. С Румянцевским музеем был связан и ряд любимых проектов мыслителя. Так, в 1891 г., в год празднования 500-летия со дня кончины преп. Сергия Радонежского, философ предложил построить во дворе Дома Пашкова, при храме Св. Николая Чудотворца, что на Старом Ваганькове, обыденный храм Пресв. Троицы, который был бы точным подобием той церковки, которую воздвиг на Маковце в начале своего служения преп. Сергий вместе с братом Стефаном. А один из самых интересных и масштабных его замыслов состоял в соединении главных историко-культурных учреждений давней столицы: Румянцевского музея, Архива министерства иностранных дел, музеев Московского Кремля, в создании на их основе синтетического культурно-просветительного и научно-исследовательского комплекса, который, включив в себя и научные учреждения, стал бы первой ступенькой к общему делу, труду «восстановления мира в то благолепие нетления, каким он был до падения» (I, 401).

Библиографические примечания

¹ *Ильин В. Н.* Проблемы философии книги у Федорова в связи с его философией знания и темой воскрешения / В. Н. Ильин // На пороге грядущего: Памяти Николая Федоровича Федорова (1829–1903). – М., 2004. – С. 428.

² *Кожевников В. А.* Николай Федорович Федоров / В. А. Кожевников // Н. Ф. Федоров: pro et contra : в 2 кн. – СПб., 2004. – Кн. 1. – С. 242.

³ См. письмо Е. Ф. Корша А. Е. Викторову от 27 сентября 1874 и комментарий к нему (*Федоров Н. Ф.* Собр. соч. : в 4 т. Дополнения. Комментарии к Т. IV / Н. Ф. Федоров. – М., 2000. – С. 13, 566. Далее ссылки на собрание сочинений Н. Ф. Федорова даются в скобках после цитаты. Римская цифра указывает том, арабская – страницу.

⁴ С. П. Щуров – Н. Ф. Федорову. 20 апреля 1896 (IV, 638).

⁵ *Пастернак Л. О.* Н. Ф. Федоров / Л. О. Пастернак // Н. Ф. Федоров: pro et contra. – Кн. 1. – С. 225. Подробнее см.: *Коваль Л. М.* Страница истории. Николай Федорович Федоров и Московский публичный и Румянцевский музеи // Философия бессмертия и воскрешения : в 2 вып. – М., 1996. – Вып. 1. – С. 236–243.

⁶ С. П. Щуров – Н. Ф. Федорову. 20 апреля 1896 (IV, 638).

⁷ *Кожевников В. А.* Николай Федорович Федоров / В. А. Кожевников // Н. Ф. Федоров: pro et contra : в 2 кн. – СПб., 2004. – Кн. 1. – С. 234.

⁸ Там же. – С. 233.

⁹ *Георгиевский Г. П.* Из воспоминания о Николае Федоровиче / Г. П. Георгиевский // Н. Ф. Федоров: pro et contra. – Кн. 1. – С. 153.

¹⁰ *Флоренский П. А.* Автореферат / П. А. Флоренский // Вопросы философии. – 1988. – № 12. – С. 114.

¹¹ *Ильин В. Н.* Проблемы философии книги у Федорова в связи с его философией знания и темой воскрешения / В. Н. Ильин. – М., 2004. – С. 429.

¹² *Семенова С. Г.* Философ будущего века: Николай Федоров / С. Г. Семенова. – М., 2004. – С. 63.